

Парни изо всех сил старались придумать, как заговорить с девушками. Обычно у них не было возможности, да и не смели они так открыто подходить к девушкам, ведь в те времена даже свист в сторону девушки мог быть расценен как хулиганство. Поэтому, когда появился шанс открыто ухаживать за богиней, их вопросы становились всё более наглыми.

Хао Ин явно наслаждалась этим вниманием. Чем больше её спрашивали, тем больше слёз наворачивалось на её глазах, будто её нога действительно была сломана. Парни, которые изначально просто хотели угодить богине, видя её такую хрупкую, решили, что случайно угадали, и стали ещё настойчивее уговаривать других девушек помочь Хао Ин дойти до её места.

А Цянь Юй стоял в одиночестве, и его большой контейнер с мясом стал никому не нужен. Он хотел возразить, но слова застряли у него в горле. Ведь Хао Ин когда-то была той, кого Чэнь Минхуэй искренне любил и отчаянно добивался. Ради неё он добывал мясо, которое сам не ел, а отдавал ей. Если сейчас он начнёт из-за такой мелочи придирается к Хао Ин, не разозлится ли Чэнь Минхуэй, когда вернётся? Не выгонит ли его?

Всё сводилось к тому, что изменения в Чэнь Минхуэе произошли слишком внезапно, словно сон, и Цянь Юй боялся, что этот сон внезапно закончится. Как будто чары Золушки в полночь исчезли, и он снова превратился в того никем не любимого, противного мальчишку.

Когда любовь становится слишком униженной, она превращается в раболепие, что выглядит крайне жалко. В глазах Хао Ин это было особенно неприятно. Как мог такой сильный человек, как Чэнь Минхуэй, любить такого слабого и ни на что не годного, как Цянь Юй?

Сначала Хао Ин решила просто оставить всё как есть, но вдруг передумала. Её поддерживали две крупные девушки, и она выглядела ещё более хрупкой, чем обычно.

Словно бы сквозь боль, она обернулась и спросила:

— Цянь Юй, я была не права, я не специально. Ты можешь меня простить?

Один из парней тут же вмешался:

— Это же не такая уж большая проблема, зачем говорить о прощении? Ты слишком преувеличиваешь, — он говорил так, будто это его собственная еда. — Цянь Юй, ты же мужчина, ты не будешь придирается, правда?

Другой парень тоже поддержал:

— Это просто упало на пол, не грязное, подними, помой, и в следующий раз съешь. Моя младшая сестра тоже часто роняет еду, мама всегда поднимает, моет и даёт ей. Ничего страшного.

— Да, да...

— Цянь Юй, посмотри, Хао Ин в таком состоянии, ты ещё хочешь её мучить? Это слишком...

Один за другим упрёки обрушивались на Цянь Юя, сдавливая его, словно тяжёлый груз. Он почти сдался под давлением осуждения всех вокруг, никто не мог бы устоять, не согнувшись.

В глазах Хао Ин наконец появилось удовлетворение. Именно такого эффекта она и добивалась. Хотя это была её вина, все оправдывали её, а тот, кто был прав, оказывался виноватым,

вынужденным глотать обиду.

В тот момент, когда Цянь Юй был на грани срыва, ленивый мужской голос разорвал напряжённую атмосферу в классе.

Чэнь Минхуэй стоял в дверях, руки в карманах, с каменным лицом. Весь шум моментально стих.

— Минхуэй, — невольно вырвалось у Цянь Юя, и он сделал шаг в его сторону, но, увидев Хао Ин, резко остановился.

Чэнь Минхуэй заметил это, его взгляд потемнел, и он быстро подошёл к Цянь Юю. Теперь беспорядок на полу было невозможно скрыть, и Чэнь Минхуэй сразу всё понял. Его кулаки в карманах сжимались и разжимались, он изо всех сил сдерживался, чтобы не ударить кого-нибудь.

— Минхуэй, — тихо, с дрожью в голосе, позвала Хао Ин.

Чэнь Минхуэй сделал вид, что не слышит, и спросил Цянь Юя:

— Кто-то тебя обидел?

В его голосе звучали ледяные нотки, но все поняли, что этот холод направлен не на Цянь Юя, а на тех, кто его обидел.

Одноклассники молча посмотрели на Чэнь Минхуэя и так же молча разошлись по своим местам. Те, кто больше всех старался угодить Хао Ин, теперь так сильно желают спрятаться под землю, чтобы Чэнь Минхуэй их не заметил.

Они совсем забыли, что еда действительно принадлежала Цянь Юю, но также и Чэнь Минхуэю. Кто посмел бы так обращаться с вещами Чэнь Минхуэя?

Цянь Юй молчал. Он не знал, насколько ужасно он проиграет, столкнувшись с Хао Ин. Ради последних крупиц своего достоинства и униженной гордости он выбрал молчание.

В этот момент Чэнь Минхуэй был полон гнева. Он бережно относился к Цянь Юю, но к другим не испытывал никакой снисходительности. Он указал на одного из парней:

— Ты, говори.

Тот парень побледнел. Это был тот, кто больше всех старался угодить Хао Ин.

— Минхуэй, — Хао Ин всё ещё не сдавалась, считая, что для Чэнь Минхуэя она была особенной. Она сделала жалобное лицо, будто бы она была той, кто пострадал больше всех, но всё равно оставалась сильной. Она знала, что Чэнь Минхуэй всегда поддавался на это. — Это я виновата. Я шла мимо, подвернула ногу и опрокинула контейнер Цянь Юя. Но я уже искренне извинилась перед ним, только он, кажется, всё ещё не хочет меня простить... — Хао Ин зря не стала актрисой, за несколько фраз её глаза уже наполнились слезами.

Прежний Чэнь Минхуэй всегда поддавался на её уловки, но тот Чэнь Минхуэй, которого она сама отправила в тюрьму, сгорел в огне. Теперь перед ней стоял возрождённый, с железным сердцем Чэнь Минхуэй.

Чэнь Минхуэй холодно ответил:

— Почему ты думаешь, что если ты извинилась, тебя должны простить? Если я сейчас тебя несколько раз ударю, а потом извинюсь, ты тоже меня простишь?

Хао Ин перестала притворяться. Она широко раскрыла глаза, уставившись на Чэнь Минхуэй, будто не могла поверить, что он так с ней поступит.

Один из учеников, видя, что ситуация накаляется, тихо побежал за учительницей У. Учительница У, не до конца понимая ситуацию, поспешила в класс и услышала эту угрозу. Как мог старшеклассник так открыто угрожать девушке? Это было совершенно неприемлемо!

— Чэнь Минхуэй, это школа, а не место для твоих безобразий! — громко крикнула учительница У. — Иди со мной в кабинет.

Чэнь Минхуэй не двинулся с места, лишь слегка повернулся, чтобы учительница У могла увидеть беспорядок на полу.

— Не нужно идти в кабинет, — равнодушно сказал Чэнь Минхуэй. — У меня нет ничего, что нужно скрывать. К тому же, сегодняшний инцидент произошёл на глазах у всего класса, так что всё будет ясно.

Учительница У наконец увидела, что лежит на полу, и её охватил шок. В рассыпанной еде было мясо, причём с жиром. Она сразу поняла, что произошло, и больше не настаивала на том, чтобы Чэнь Минхуэй шёл с ней в кабинет.

Чэнь Минхуэй поднял палец и указал на Хао Ин:

— Эта еда была моей, и Хао Ин, не знаю, специально или нет, её опрокинула.

Хао Ин поспешила оправдаться:

— Учительница У, я не специально, и я уже извинилась, — снова она использовала свои излюбленные приёмы.

Учительница У сразу же встала на защиту Хао Ин:

— Чэнь Минхуэй, Хао Ин сказала, что это было не специально, и она уже извинилась.

— Ха, если бы извинения решали всё, зачем тогда нужна полиция! — Эта классическая фраза сразу же поставила учительницу У в тупик.

— Мне всё равно, специально это было или нет. В любом случае, это она сама опрокинула мою еду, и я в этом совершенно не виноват. Ты это признаёшь?

Чэнь Минхуэй был слишком напорист. Хао Ин почувствовала, как её лицо загорелось, она еле сдерживалась, кусая губы и бледнея.

— Я же сказала, что это было не специально.

— Никто не спрашивает, было ли это специально! — резко оборвал её Чэнь Минхуэй. — Я спрашиваю, это ты сама опрокинула еду, или кто-то тебя толкнул, или мы сами в тебя врезались. Ты просто ответь: да или нет. Не говори ничего лишнего.

Хао Ин взглянула на учительницу У с мольбой о помощи. Учительница У мягко и ободряюще сказала:

— Хао Ин, скажи правду, я тебя поддержу.

Хао Ин была на грани слёз. Как она могла сказать правду, если это она сама всё устроила? Она лишь кивнула, пытаясь намекнуть учительнице, что тут есть какие-то скрытые обстоятельства.

Но Чэнь Минхуэй не собирался давать ей поблажку. Он указал на двух учеников:

— Вы двое, расскажите, что произошло. Говорите только правду.

<http://bllate.org/book/16744/1561612>